

Борис Иомдин

Наивные представления о значениях слов в русском языке¹

Вводные замечания

Академическая лексикография, как правило, опирается на данные художественных текстов и словарей предшествующих эпох. Между тем кажется необходимым учитывать в словарных описаниях и те представления о значениях слов, которые имеются у современных носителей языка. Во всяком случае это целесообразно в тех областях, где эти представления могут отличаться от данных толковых словарей.

С одной стороны, это касается значений разного рода терминов, которыми непрофессионалы по понятным причинам владеют плохо. Тому, в каких случаях представления носителей о значениях терминов тем не менее кажется полезным учитывать, посвящена работа [Иомдин 2012]. Проведенные автором эксперименты показывают, что подавляющее большинство образованных носителей современного русского языка используют многие распространенные термины часто совсем не так, как специалисты

Борис Леонидович Иомдин

Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН /
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва
iomdin@ruslang.ru

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», гранта РГНФ №13-04-00307а и гранта НШ-3899.2014.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ. Автор хотел бы также выразить признательность всем участникам руководимого им семинара «Проект словаря бытовой терминологии» за помощь в проведении большинства описываемых в работе экспериментов и обсуждение их результатов.

соответствующих областей (биологии, анатомии, медицины, химии, физики, юриспруденции, кулинарии и др.).

С другой же стороны, ярким примером такой области, где общеупотребительные и словарные значения слов различаются, оказывается бытовая предметная лексика. Названия бытовых предметов, окружающих городского жителя в повседневной жизни, весьма распространены и вряд ли могут считаться специальными терминами, однако именно в этой сфере узус разных носителей существенно различается и часто не соответствует описаниям словарей и нормативных документов, см.: [Иомдин 2009].

В работах [Иомдин 2011; Иомдин и др. 2012; 2013], посвященных проекту создания словаря-тезауруса бытовой терминологии русского языка, приводится описание методов работы с информантами, которыми пользуются участники нашего проекта. Среди этих методов — прямые опросы носителей о значениях интересующих нас слов, косвенные опросы, в которых информанты не осведомлены о непосредственном предмете исследования, и скрытые эксперименты, в частности языковые игры.

1. Прямые опросы

Примером прямого опроса могут послужить пилотные эксперименты, проводимые нами в социальной сети «ВКонтакте». При очевидно недостаточной репрезентативности результатов таких опросов (большинство их участников относятся к социальным группам школьников и студентов, около 60 % проживают в Москве), кажется, что они тем не менее дают некоторое представление о тенденциях, наблюдающихся в современном русском языке (во всяком случае, в указанных социальных группах), которые затем могут быть проверены (и проверяются) в более подробных исследованиях.

Понятно, что такие опросы могут в первую очередь свидетельствовать о распространении слов, не отмеченных словарями. Так, слово *мусорка* отсутствует в толковых словарях русского языка, хотя в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка <www.ruscorpora.ru> мы находим 36 вхождений этого слова (против 7633 вхождений слова *ведро*, 1290 вхождений слова *урна* и 1227 вхождений слова *помойка*). В опросе же в сети «ВКонтакте» 52 % участников (411 человек) назвали изображенный на рис. 1 предмет *мусоркой*, 15 % (117 человек) — *урной*, 11 % (86 человек) — *ведром* (остальные варианты получили менее чем по 10 %). В другом опросе в ответ на вопрос «Как вы чаще всего называете предмет, изображенный на рис. 2?»

Рис. 1

Рис. 2

50 % участников (177 человек) выбрали слово *фотоаппарат* и 36 % (129 человек) — слово *фотик*, также отсутствующее во всех изученных нами толковых словарях (ср. соотношение *фотоаппарат* vs. *фотик* в НКРЯ: 1469 vs. 112 вхождений).

Впрочем, сходную информацию можно получить и иными способами, в частности анализируя более современные тексты (в особенности блоги) и большие корпуса текстов, собранных в интернете (самый объемный такой корпус для русского языка — RuTenTen11, насчитывающий около 15 млрд словоупотреблений [Kilgarriff et al. 2004]). См., например: [Иомдин и др. 2013] — о распространении новых моделей словообразования (*фот*, *вел*, *мот* и др.). Гораздо сложнее выявить, какие именно значения говорящие вкладывают в употребляемые ими слова.

Так, в одном из опросов рис. 3 сопровождался вопросом «За чем сидят эти люди?». 76 % участников (423 человека) выбрали

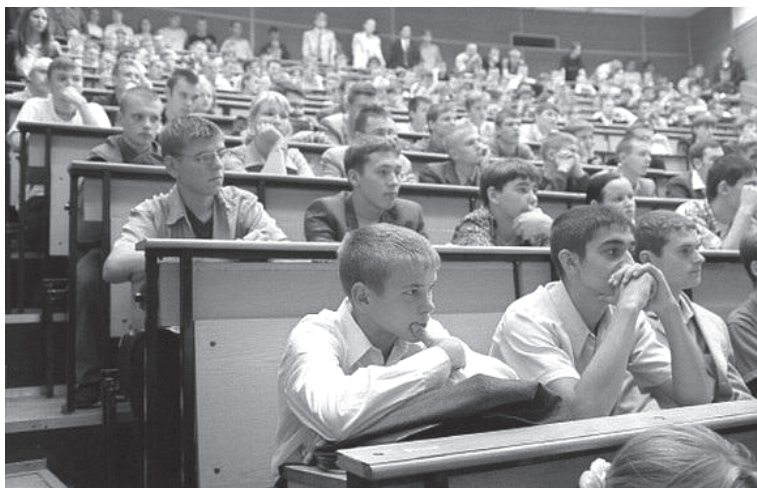

Рис. 3

ответ *парты* (следующий по популярности ответ *консоли* выбрали 9 % (51 человек), ответ *столы* — 8 % (42 человека)). При этом толковые словари (по крайней мере [БТС; МАС; СОШ; СУш; СШ]) определяют парту как ‘школьный стол’, хотя на рис. 3 очевидным образом изображена вузовская поточная аудитория.

Рис. 4

Предмет, изображенный на рис. 4, практически одинаковое число участников назвало *конвертом* (29 %, 103 человека) и *папкой* (27 %, 96 человек). Ср. толкования словарей: *конверт* ‘пакет из сложенного с четырех сторон углами листа бумаги, в который вкладывают письмо, документы и т.п. для отправки, передачи кому-л.’ [БТС; МАС], ‘заклеивающаяся бумажная упаковка для писем, бумаг’ [СШ]; *папка* ‘обложка из картона, кожи и т.п. для хранения бумаг’ [БТС; МАС], ‘род загибающейся с краев обложки, в к-рую вкладываются бумаги, рисунки’ [СШ].

Интересные результаты выявляют и опросы несколько другого типа, не связанные с изображениями. В одном из них участникам был задан вопрос: «Что вы называете “кредиткой”? (Важно, как лично вы употребляете это слово, а не что это “на самом деле”»». Ответы распределились следующим образом:

- (1) карточку, при оплате которой тратятся деньги банка, а затем их надо возмещать — 25 % (140 человек);
- (2) карточку, при оплате которой тратятся деньги клиента, но можно потратить больше (уйти «в минус») — 7 % (37 человек);
- (3) подходят и вариант 1, и вариант 2 — 14 % (78 человек);
- (4) любую банковскую карточку, которой можно платить (в том числе и ту, по которой нельзя уйти «в минус»), — 33 % (182 человека);
- (5) не употребляю слова «кредитка» — 21 % (118 человек).

Таким образом, лишь четверть опрошенных использует слово *кредитка* в строгом соответствии с определением *кредитной карты* как средства оплаты в кредит (в отличие от *дебетовой карты*). При этом характерны следующие комментарии опрошенных: «(4), хотя это некорректно», «(4), хотя знаю, что это неправильно, и переучиваю себя» и т.п., свидетельствующие, что говорящие осознают различия между терминологическим и бытовым словоупотреблением; см. также: [Иомдин 2012].

Опросы носителей позволяют и уточнить значения гиперонимических слов, выделить ядро и периферию классов, которые они охватывают. Приведем результаты опроса на тему «Что из этого вы в НАИМЕНЬШЕЙ степени готовы назвать одеждой?» (в процентном и количественном отношении):

фартук	47 %	307
пояс	28 %	184
галстук	11 %	73
купальник	4 %	24
шаль	3 %	19
перчатки	3 %	17
шапка	1,5 %	10
носки	1 %	8
трусы	<1 %	5
шарф	<1 %	2

Отметим, что слово *фартук* во всех рассмотренных нами словарях трактуется как предмет одежды (прямо или косвенно, через отсылку к слову *передник*); напротив, в толкованиях слова *перчатка* в СУШ, МАС, БТС слово *одежда* не упоминается. См. подробнее о гиперонимах в сфере бытовых предметов по данным опросов носителей разных языков в: [Iomdin et al. 2011].

Опросы, в которых носители должны определить различия в значениях достаточно близких синонимов, также приносят интересные результаты; см. описание результатов такого эксперимента на парах *кувшин* — *графин*, *чашка* — *кружка*, *джемпер* — *пуловер*, *варежки* — *рукавицы*, *шарф* — *кашне*, *шпилька* — *невидимка* и др. в работе: [Иомдин и др. 2012]. В частности, обнаруживается связь внешнего облика слова с его семантикой: предмет, обозначаемый словами, явно ощущаемыми как заимствования, приобретает коннотацию «элитарности» по сравнению с другими предметами и словами из тех же групп (ср. *кепи* vs. *кепка*, *портмоне* vs. *бумажник*, *кашне* vs. *шарф*).

Ср. также характерное рассуждение: «Террин — это, в сущности, запеканка, хотя изначально слово обозначало всего лишь прямоугольную посуду, в которой запекается мясной или рыбный фарш (или что угодно). Но, согласитесь, “террин” звучит изысканно и воздушно, а запеканка — это столовая военного санатория, это книжка про диетпитание, это меню детского сада, наконец. Так что пусть будет “террин”» [Головинская 2012].

2. Косвенные опросы

Исследования по психолингвистике показывают (см., например: [Федорова 2008]), что опросы, цель которых неизвестна или не вполне ясна информанту, часто могут давать более достоверные результаты, чем прямые опросы, поскольку в случае прямого опроса результаты могут быть искажены рефлексией информанта, боязнью ответить «неправильно» (см. выше комментарии информантов по поводу слова *кредитка*) и тем самым не отражать подлинного узуса. Социальные сети дают возможность проводить и такие опросы. В работе [Иомдин 2009] упомянут проведенный автором в «Живом журнале» <izjumis.livejournal.com> эксперимент с описанием фотографий, на которых изучаемый предмет находится не в фокусе внимания испытуемого: его результаты демонстрируют подавляющее преимущество слова *свитер* в нейтральных описаниях соответствующих предметов одежды (*свитер*, *пуловер*, *джерсер*, *кофта* и др.). Цель эксперимента не сообщалась участникам, чтобы они специально не задумывались над номинациями интересовавших нас предметов, а последующий опрос участников выявил, что большинство из них не определили предмет эксперимента (среди возможных целей назывались изучение стратегий описания изображений, исследование названий цветов и др.).

В одном из наших опросов в сети «ВКонтакте» на вопрос «В чем вы варите яйца?» вторым по популярности после ответа *кастрюля* (50 % участников, 278 человек) оказался ответ *ковш* (32 % участников, 179 человек). В словарях *ковш* толкуется как ‘широкий округлый металлический сосуд с ручкой для зачерпывания жидкостей и питья’ [СУш]; ‘широкий открытый сосуд с ручкой для зачерпывания жидкостей’ [МАС; БТС]; ‘округлый сосуд с ручкой для зачерпывания жидкости, сыпучего (в старину — сосуд для питья вина)’ [СШ]; ‘широкий сосуд округлой формы с ручкой для зачерпывания жидкостей’ [СЕф]. Таким образом, опрос показывает, что у слова *ковш* возникло значение ‘род небольшой кастрюли с длинной ручкой’, не отраженное в словарях.

3. Скрытые эксперименты

Наряду со стандартными опросами нами применяются и более оригинальные методы, основанные на изучении поведения участников языковых игр.

При модифицированной игре в «банальности» игрокам демонстрируется предмет и дается задание назвать его тем словом, которым его назовет большинство носителей (стимулом является получение очков, число которых соответствует числу игроков, выбравших то же самое слово). Изучение результатов игры позволяет выявить самое популярное, по мнению большинства участников, название предмета, отражает представления носителей о частотности и актуальности лексики и представляет ценную информацию для лексикографа.

Так, предмет, изображенный на рис. 5, подавляющее большинство участников игры, проведенной на Летней лингвисти-

Рис. 5

Рис. 6

ческой школе, назвали *тапок*¹ (42 %); по 10 % ответили *шлепанец* и *ботинок*, и только 6 % дали ответ *крокс*, соответствующий торговому названию изображенного предмета (встретились также ответы *шлепка*, *босоножка*, *сабо*, *туфля*, *калоша*). В случае с предметом, изображенным на рис. 6, вариативность была значительно ниже: 62 % ответили *шлепанец* и 34 % — *босоножка*. Отметим, что в словарях *шлепанцы* толкуются как ‘домашние туфли без задников’ [БТС; МАС; СЕф; СОШ].

Ставшая в последнее время популярной игра «Шляпа» (или ее англоязычный аналог «Alias») предполагает, что игрок должен за очень короткое время (обычно 20 секунд) дать толкования наибольшему количеству слов так, чтобы его партнер правильно определил загаданные слова. Скрытый мониторинг игры позволяет лингвистам установить, какими стратегиями толкования пользуются носители языка, какие значения более актуальны в их сознании (в случае полисемии), а также — что наиболее интересно для лексикографа — как именно игроки понимают загаданные слова.

Так, у слов *крем* и *гель* наиболее актуальными оказываются «косметические» значения, в словарях обычно даваемые не первыми; ср. характерные толкования игроков: ‘чем мажутся’ (*крем*), ‘чем моются’ (*гель*). Для слова *канapé* во всех зафиксированных нами играх использовалось «кулинарное», а не «мебельное» значение. У слова *карточка* чаще всего выбирается значение ‘инструмент безналичной оплаты’, отсутствующее даже в достаточно современных словарях [БТС; СЕф]. Характерны случаи, когда загадывающий игрок старшего возраста объясняет другое значение этого слова и не находит понимания у отгадывающего, принадлежащего к молодому поколению (ср. объяснение слова *карточка* преподавателем школьнику: *фотографическая... фото... что получается, когда снимаешь... что я держу в руках* и (в другой игре) *продовольственная... раньше по ним давали хлеб*; в обоих случаях слово не было отгадано).

Помимо ситуаций, когда у говорящих, принадлежащих к разным возрастным группам, актуализированы разные значения слов, часты и случаи, когда слова, еще недавно распространенные, уходят из употребления и интерпретируются молодыми носителями языка исходя из внутренней формы. Ср. объяснения ‘украинские деньги мужского рода’ (*гривенник*) и ‘старинная монета красного цвета’ (*червонец*) или попытку объяснения

¹ Ср. работу [Савчук 2012] о колебаниях грамматического рода существительных, называющих парные предметы; по данным автора, варианты *тапок* и *тапка* употребляются практически с одинаковой частотой.

‘в цепи слабое... — кто командует этой единицей... не знаю, как объяснить, первый раз это слово вижу’ (*звеньевой*¹) (оба объяснения были даны аспирантами-лингвистами). Для слова *фуфайка*, которое в большинстве словарей используется в толковании слова *свитер*², и соответственно предполагается, что оно более известно читателю³, в одной из документированных нами игр разными игроками были последовательно сделаны четыре попытки объяснения: ‘теплая одежда без рукавов’, ‘деревенская одежда, теплая, старая’, ‘деревенская старая кофта... слово с повторяющимися согласными’, ‘кофта типа свитеров, необязательно старинная, сейчас тоже говорят’, но слово так и не было отгадано другими участниками⁴.

Отдельный интерес представляют объяснения детей, анализ которых может позволить установить очередность появления новых слов в их лексиконе (ср. зафиксированные нами объяснения слова *бумажник*: *Это, наверное, тот, кто делает бумагу*. — М., 5 лет; *Это такой кошелек*. — Л., 6 лет) и их представления о прототипе (ср. объяснения слова *туфли*: *Одежда, которую женщины и девочки носят на ногах, а на мальчиках не видела*. — Ж., 5 лет).

Таким образом, разные методы исследования представлений носителей о значении слов их родного языка могут дать интересный лингвистический материал и помочь лексикографам при работе над составлением современных толковых словарей, в том числе словарей наиболее частотных слов в разных предметных областях (см.: [Иомдин и др. 2014]) и динамических электронных словарей с настраиваемыми параметрами (подбор материала словарных статей с учетом данных о возрасте, социальном статусе, поле и др., см.: [Иомдин 2014]).

¹ Отгадывающий предположил, что загадано слово *звённый*.

² Ср.: ‘теплая вязаная фуфайка без застежек с высоким воротником, надеваемая через голову’ [БТС; МАС; СУш], ‘вязаная фуфайка без застежки с высоким воротником, плотно обтягивающая торс и шею’ [СЕф].

³ См. о слове *свитер* подробнее в: [Иомдин 2011].

⁴ Ср. также характерные противоречивые комментарии читателей журнала “The Village”: «Всегда называла фуфайку — фуфайкой. Сейчас их называют на иностранный манер — лонгливы. А на самом деле это фуфайка. Не понимаю, почему верхнюю одежду так называют. Ватник — это ватник, стеганая верхняя одежда с ватным утеплителем»; «Потому что люди тоже всегда называли фуфайку фуфайкой, она может быть любой телогрейкой — ватником, тулупом, в моем окружении всегда говорили так про “пожилые” вещи чисто практического характера, в которых снег выходили чистить. Я вот не понимаю как кофту, которой и является лонгслив, можно называть фуфайкой)))»; «Над фуфайками все покупатели угорают. На самом деле это тупо футболки — с коротким рукавом или лонгливы» <http://www.the-village.ru/village/city/city-news/139713-что_novogo_linguist_interview#comments>.

Библиография

- [БТС] Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
- Головинская И.Г. *Fraîche comme vous* // Booknik. 2012, 15 мая <<http://booknik.ru/today/culinary-comment/terriner/>>.
- Иомдин Б.Л. Терминология быта. Поиски нормы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). М.: РГГУ, 2009. Вып. 8 (15). С. 127–135.
- Иомдин Б.Л. Материалы к словарю-тезаурусу бытовой терминологии. *СВИТЕР*. образец словарной статьи // Слово и язык: Сб. ст. к 80-летию Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 392–406.
- Иомдин Б.Л. О «неправильном» использовании терминов: может ли язык ошибаться? // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия И.А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 233–251.
- Иомдин Б.Л. Многозначные слова в контексте и вне контекста // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 87–103.
- Иомдин Б.Л., Лопухина А.А., Пиперски А.Ч., Киселева М.Ф., Носырев Г.В., Рикитянский А.М., Васильев П.К., Кадыкова А.Г., Матиссен-Рожкова В.И. Словарь бытовой терминологии: новые проблемы и новые методы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2012» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). М.: РГГУ, 2012. Вып. 11 (18). С. 213–226.
- Иомдин Б.Л., Лопухина А.А., Панина М.Ф., Носырев Г.В., Вилл М.В., Зайдельман Л.Я., Матиссен-Рожкова В.И., Винокуров Ф.Г., Выборнова А.Н. *Маг вел мот*: изменения в языке на материале бытовой терминологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2013» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). М.: РГГУ, 2013. Вып. 12 (19). Т. 1. С. 311–324.
- Иомдин Б.Л., Лопухина А.А., Носырев Г.В. К созданию частотного словаря значений слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2014» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). М.: РГГУ, 2014. Вып. 13 (20). С. 199–212.
- [МАС] Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой [Малый академический словарь русского языка]. М.: Русский язык, 1985–1988.
- Савчук С.О. Варианты родовой принадлежности в группе имен существительных *pluralia tantum* в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2012» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). М.: РГГУ, 2012. Вып. 11 (18). С. 548–558.
- [СЕФ] Ефремова Т.Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. В 3-х т. М.: АСТ; Астрель, 2006.

- [СОШ] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
- [СУш] Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энциклопедия»; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
- [СШ] Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.
- Федорова О.В.* Основы экспериментальной психолингвистики: принципы организации эксперимента: Учеб. пособ. М.: Спутник+, 2008.
- Iomdin B., Piperski A., Russo M., Somin A.* How Different Languages Categorize Everyday Items // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2011). М.: RGGU, 2011. P. 258–268.
- Kilgarrieff A., Rychly P., Smrz P., Tugwell D.* The Sketch Engine // Proceedings of the Eleventh Euralex International Congress. Lorient, France: Universite de Bretagne-Sud, 2004. P. 105–116.